

Правовая природа соучастия в преступлении по российскому уголовному законодательству

Соучастие в преступлении, будучи одним из самых сложных и дискуссионных институтов уголовного права, требует скрупулезного и последовательного изучения.

Несмотря на проведенные многочисленные научные изыскания в этой области, в современной научной литературе отмечается недостаточное внимание к изучению проблемы правовой природы соучастия и как следствие отсутствие в настоящее время единого общепризнанного подхода к ее пониманию и разрешению [1].

Однако именно правовая природа соучастия определяет основание уголовной ответственности всех соучастников преступления, поэтому первоначальной и принципиальнейшей задачей является ее познание.

Отвечая на вопрос о правовой природе соучастия необходимо ответить на вопрос: Почему лица, которые не совершают общественно опасные деяния непосредственно, а лишь способствуют их совершению или совершают непосредственно лишь часть объективной стороны преступления, должны нести ответственность за наступивший преступный результат в полном объеме?

В связи с этим обоснование правовой природы соучастия, которая является основой для понимания данного явления и правильной квалификации преступлений, совершаемых совместными усилиями нескольких лиц, безусловно, представляет не только теоретический, но и практический интерес.

Природу того или иного явления необходимо понимать как его основное свойство, сущность, т.е. внутреннее содержание, обнаруживающееся во внешних формах его существования [2].

Существует несколько точек зрения на правовую природу соучастия как института уголовного права.

Старейшей из теорий является теория акцессорной природы соучастия (от латинского *accessorium* – «дополнительный», «несамостоятельный»). Сторонниками данной теории были еще профессора Н.С. Таганцев и А. Жиряев. Характерным признаком соучастия они считали общность вины. Основанием

А.Е. Лебедев

Помощник Шахунского городского прокурора Нижегородской области, юрист второго класса, аспирант Академии Генеральной прокуратуры РФ

же уголовной ответственности называли деяние исполнителя, отрицая самостоятельное значение деяний подстрекателя и пособника. Ученые указывали на то, что если преступление не будет завершено исполнителем по независящим от него обстоятельствам, то и другие соучастники будут нести ответственность лишь за неоконченное преступление [3]. При не привлечении к уголовной ответственности исполнителя в случае его смерти или добровольного отказа от совершения преступления другие соучастники также не привлекаются от уголовной ответственности [4].

Несмотря на то, что в советский период акцессорная природа соучастия была признана буржуазной, а, следовательно, чуждой советскому правопониманию, у нее также имелись свои сторонники. Так, одним из главных советских приверженцев акцессорности соучастия в преступлении был профессор М.И. Ковалев, который полагал, что суть акцессорной природы заключается в зависимости от действий исполнителя, без которого немыслима ответственность других соучастников. В качестве аргументации своей позиции ученый указывал, что особые условия и формы ответственности соучастников возможны только в том случае, если исполнитель выполнил задуманный соучастниками состав преступления или, по крайней мере, приступил к его выполнению; неудавшееся же подстрекательство или пособничество необходимо рассматривать по правилам о неоконченном преступлении, а не как соучастие.

М.И. Ковалев полагал, что советское уголовное законодательство построено на признании логической акцессорности, которая наиболее всего соответствует его природе. Логическая акцессорность означает, что наказание за соучастие должно определяться в пределах санкции, установленной законом за главное деяние [5].

Второй теорией соучастия является теория самостоятельной ответственности соучастников. Из дореволюционных ученых к сторонникам указанной теории следует отнести Г. Колоколова, И.Я. Фойницкого, Н.Д. Сергиевского. Они полагали, что деятельность каждого лица, участвовавшего в совершении преступления должна рассматриваться как индивидуально совершенное преступление. Подстрекатель и пособник, способствуя совершению преступления, также представляют опасность для общества и их действия необходимо рассматривать индивидуально.

Так, профессор Г. Колоколов полагал, что соучастие с внешней стороны предполагает положительное содействие нескольких лиц при осуществлении

единичного результата. Действие лица так или иначе обусловившее результат является достаточным объективным основанием для вменения лицу всего преступного результата. Таким образом, по его мнению, основанием уголовной ответственности при соучастии выступает деятельность лица, повлекшая наступление преступного результата, поэтому нет необходимости требовать общность вины, единение воли преступников, т.е. наличия соглашения между ними [6].

В этой связи еще более радикальной является точка зрения известного профессора И.Я. Фойницкого, который вообще отрицал самостоятельную правовую природу соучастия. Отстаивая теорию индивидуальной ответственности, он утверждал, что не может быть общей вины, каждый соучастник преступления является самостоятельным виновником отдельного преступления.

И.Я. Фойницкий указывал, что включение в концепцию соучастия теории общей вины не только предполагает ответственность за чужую вину, но и неосновательно сужает объем соучастия и выводит за его пределы неосторожное содействие преступлению и прикосновенность к преступлению. В связи с этим И.Я. Фойницкий настаивал, сколько соучастников столько и преступлений [7].

В советский период, как уже было отмечено, теория акцессорной природы соучастия по идеологическим причинам была подвергнута резкой критике. Большинство ученых признавали самостоятельную правовую природу соучастия.

А.Н. Трайнин указывал, что хотя деятельность исполнителя является очень важной, но она, прежде всего, является лишь частью совместной преступной деятельности всех соучастников. Ответственность же соучастника наступает не за деяние исполнителя, а за собственные действия, направленные на совершение преступления [8].

Некоторые авторы указывали, что признание акцессорности соучастия означает, что основание уголовной ответственности соучастников лежит за пределами совершенного ими деяния, и именно этот момент определяет порочность и неприемлемость данной теории для отечественного уголовного права [9].

А.А. Арутюнов, выделяя недостатки акцессорной теории и теории самостоятельной ответственности, предложил разработанную им системную теорию соучастия. Согласно системной теории соучастие рассматривается как единое целое, феномен социального взаимодействия, элементами которого выступают соучастники. По мнению А.А. Арутюнова только системная теория позволяет обосновать ответственность

соучастников, которые не выполняют объективную сторону состава преступления, но как единая система причиняют преступный результат. Таким образом, автор предлагает использовать при квалификации преступлений, совершенных в соучастии категорию общего состава преступления [10].

Несмотря на, безусловно, позитивное значение проведенного А.А. Арутюновым исследования актуальных вопросов соучастия системная теория не может быть признана в полной мере обоснованной. Так, введение категории общего состава преступления и рассмотрение действий соучастников как единого целого было характерно еще для советской школы уголовного права [11].

Тем не менее, для квалификации преступлений совершенных несколькими лицами не менее важно установление индивидуальной роли каждого участника. Системная же теория в большей степени ориентирована на установление общего, а не индивидуального основания ответственности. Игнорирование же значения различной связи отдельных соучастников с преступным результатом не позволяет обосновать дифференциацию и индивидуализацию их ответственности. Также рассмотрение поведения соучастников как интегрированного деяния может привести к необоснованному привлечению лиц к уголовной ответственности, в связи с тем, что при определении преступности и наказуемости деяния каждого соучастника должен применяться уголовный закон, действовавший на момент совершения каждым из них своих индивидуальных действий.

Необходимо отметить, что признание самостоятельного характера ответственности соучастников и наличие элементов акцессорности в советском и российской уголовном законодательстве привело к тому, что в настоящее время многие ученые приходят к выводу о смешанной природе соучастия в преступлении, которая по-разному проявляется в различных его формах [12].

Однако смешение двух теорий соучастия, нивелирование их особенностей и различия, приводит к тому, что по-прежнему неразрешенными остаются многие проблемные вопросы квалификации преступлений, совершаемых несколькими лицами, поскольку указанные вопросы однозначно можно решить, только применив единый подход к пониманию правовой природы соучастия. Кроме того, юридическая природа должна отражать сущность, содержание явления, которое является постоянным и не может меняться в зависимости от изменения формы.

Поэтому имеется объективная потребность в обосновании единой сущности соучастия. Для этого, прежде всего, необходимо уяснить, что соучастие представляет собой разновидность социального взаимодействия, при котором совместными усилиями нескольких лиц совершается преступление.

Характер деяний лиц может быть различным, либо каждый выполняет деяние, составляющее объективную сторону состава преступления, либо соучастники выполняют различные функциональные роли (исполнительство, организация, подстрекательство и пособничество). Дифференциация ответственности соучастников должна осуществляться в зависимости от характера и степени фактического участия каждого из них в совершении преступления.

В зависимости от характера деяний участников преступления можно выделить такие две формы соучастия как соисполнительство и соучастие с выполнением различных ролей.

В преступлениях, совершаемых с выполнением различных ролей, только исполнитель участвует в выполнении объективной стороны состава преступления, другие же (организатор, подстрекатель и пособник) своими деяниями лишь создают условия для исполнителя.

Таким образом, только исполнитель непосредственно совершает преступление, и поэтому только в деянии исполнителя имеются все признаки конкретного состава преступления. Отсюда именно исполнитель является центральной фигурой института соучастия. Другие соучастники подлежат уголовной ответственности за свое участие в совершении исполнителем преступления, так как данное участие создает условия для преступной деятельности и в силу этого представляет общественную опасность.

В данном случае следует согласиться с профессором М.И. Ковалевым, который указывал, что конструкция ответственности за соучастие в преступлении является особой формой ответственности нескольких лиц за один результат, когда он вызван непосредственно только одним лицом [13].

По сути, конструкция ответственности организатора, подстрекателя и пособника представляет собой юридическую фикцию, согласно которой, несмотря на то, что в деянии указанных соучастников не содержится всех признаков конкретного состава преступления, но в связи с общественной опасностью их собственных деяний, констатируется совершение ими преступления и они также привлекаются к уголовной ответственности по статье, предусматривающей

общественно опасное деяния, совершенное исполнителем.

В преступлениях, совершаемых в форме соисполнительства, каждый принимает участие в совершении общественно опасного деяния путем выполнения объективной стороны состава преступления, описанного в диспозиции статьи или части статьи Особенной части УК РФ. Между тем, для привлечения к головной ответственности соисполнителя необязательно, чтобы он совершил все действия, входящие в объективную сторону состава преступления или чтобы именно его действия явились непосредственной причиной наступления преступного результата.

Например, в пункте 10 постановления Пленума Верховного суда РФ от 27.01.1999 N 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» говорится, что убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причем необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них (например, один подавлял сопротивление потерпевшего, лишал его возможности защищаться, а другой причинил ему смертельные повреждения).

В пункте 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 N 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» указано, что групповым изнасилованием или совершением насильственных действий сексуального характера должны признаваться не только действия лиц, непосредственно совершивших насильственный половой акт или насильственные действия сексуального характера, но и действия лиц, содействовавших им путем применения физического или психического насилия к потерпевшему лицу. При этом действия лиц, лично не совершавших насильственного полового акта или насильственных действий сексуального характера, но путем применения насилия содействовавших другим лицам в совершении преступления, следует квалифицировать как соисполнительство в групповом изнасиловании или совершении насильственных действий сексуального характера (часть 2 статьи 33 УК РФ).

Пунктом 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» также разъяснено, что исходя из смысла части второй статьи 35

УК РФ уголовная ответственность за кражу, грабеж или разбой, совершенные группой лиц по предварительному сговору, наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них. Если другие участники в соответствии с распределением ролей совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления (например, лицо не проникало в жилище, но участвовало во взломе дверей, запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности вывозило похищенное, подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления), содеянное ими является соисполнительством и в силу части второй статьи 34 УК РФ не требует дополнительной квалификации по статье 33 УК РФ.

В указанных примерах, несмотря на то, что каждый из соисполнителей выполняет лишь часть объективной стороны, все подлежат ответственности в целом за совершенное совместными усилиями преступление. Таким образом, в соисполнительстве также проявляется несамостоятельный характер ответственности соучастников.

Учитывая вышеизложенное, следует констатировать, что природа соучастия акцессорная, и она находит свое проявление в каждой из его форм, как в соисполнительстве, так и в соучастии с выполнением различных ролей.

О несамостоятельном характере ответственности соучастников свидетельствуют ряд положений действующего уголовного закона.

Во-первых, в соответствии со статьей 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. Отсюда ответственность организатора, подстрекателя и пособника зависит от ответственности исполнителя, а ответственность соисполнителей от согласованных действий друг друга.

Во-вторых, частью 3 статьи 34 УК РФ предусмотрено, что квалификация деяний соучастников осуществляется в зависимости от квалификации деяния исполнителя, но со ссылкой на статью 33 УК РФ.

В-третьих, согласно части 4 статьи 34 УК РФ лицо, не являющееся специальным субъектом преступления, участвовавшее в его совершении преступления, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника. Таким образом, даже в случае если

организатор, подстрекатель или пособник не являются субъектами преступления, но создавали условия к его совершению, то они также привлекаются к ответственности.

В–четвертых, в силу части 5 статьи 34 УК РФ в случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление, даже если ими были совершены все задуманные ими действия.

В–пятых, согласно правилу, сформулированному в части 4 статьи 31 УК РФ организатор и подстрекатель не привлекаются к уголовной ответственности в связи с добровольным отказом от преступления только в случае предотвращения доведения преступления исполнителем до конца, пособник же для этого также предпринять все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления. Таким образом, ответственность соучастников зависит от прекращения действий (бездействия) исполнителя.

При этом, конечно же, акцессорность, то есть зависимость ответственности организатора, подстрекателя и пособника от ответственности исполнителя ограничена.

Так, во–первых, в силу части 1 статьи 34 УК РФ ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления. Частью 1 статьи 67 УК РФ также предусмотрено, что при назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии, учитываются характер и степень фактического участия лица в его совершении, значение этого участия для достижения цели преступления, его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда. Соответственно, несмотря на единую квалификацию преступления, наказание организатора, подстрекателя и пособника не ставится в зависимость от вида и размера наказания исполнителя.

Во–вторых, согласно части 2 статьи 67 УК РФ смягчающие или отягчающие обстоятельства, относящиеся к личности одного из соучастников, учитываются при назначении наказания только этому соучастнику. Необходимо отметить, что обстоятельства, относящиеся к личности одного из соучастников, фактически влияют не только на назначение наказания, но и на квалификацию преступления конкретного соучастника. Например, при совершении в соучастии убийства новорожденного ребенка действия

матери будут квалифицированы по статье 106 УК РФ, а иного лица по пункту «в» части 2 статьи 105 УК РФ, поскольку психофизическое состояние, особая обстановка совершения преступления как основание для выделения привилегированного состава относятся только к специальному субъекту матери. Причем подобная квалификация возможна как при соисполнительстве, так и при соучастии с выполнением различных ролей.

В–третьих, о самостоятельной ответственности соучастников за лично совершенные ими преступления свидетельствует также правило об эксцессе исполнителя преступления, согласно которому другие соучастники не подлежат уголовной ответственности за совершение исполнителем преступления, не охватываемого их умыслом (статья 36 УК РФ). Данное правило в полной мере согласуется с требованием субъективного вменения (статья 5 УК РФ).

И наконец, в–четвертых, при выполнении организатором, подстрекателем и пособником всех зависящих от них действий (бездействия) и добровольном отказе исполнителя от доведения преступления до конца, они в отличие от исполнителя, который ответственности не подлежит, будут привлечены к уголовной ответственности за приготовление к преступлению.

Указанные ограничения вовсе не свидетельствуют о двойственной природе соучастия и не размывают основы акцессорной теории, а лишь свидетельствуют о том, что акцессорность соучастия не абсолютная, а относительная. Релятивность акцессорной природы соучастия обусловлена основными принципами уголовного закона: принципом законности, вины и справедливости.

Признание акцессорной природы соучастия способствует установлению его основанных признаков, к которым следует отнести умышленный характер совместных действий всех соучастников, обусловленность поведения исполнителя действиями (бездействием) других соучастников и наличие причинной связи между поведением исполнителя и наступившим преступным результатом.

Названные сущностные признаки соучастия позволяют при квалификации преступлений вывести за границы соучастия неосторожное сопричинение вреда, прикосновенность к преступлению, опосредованное исполнение преступления, мнимое, завуалированное и неудавшееся соучастие. Во всех этих случаях необходимо вести речь либо о самостоятельных преступных деяниях нескольких лиц, либо о едином общественно опасном деянии. ■

Литература:

1. Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. Издание профессора Малинина, 2-е изд. СПб., 2011. С. 11–13.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А ТЕМП», 2010. С. 598, 782.
3. Жиряев А. О стечении нескольких лиц при одном и том же преступлении. Дерпт, 1850. С. 43–51; Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. В 2-х т. Т. 1. СПб., 1902. С. 328–330.
4. Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. Издание профессора Малинина, 2-е изд. СПб., 2011. С. 14, 15.
5. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Свердловск, 1960. С. 100–102.
6. Колоколов Г. О соучастии в преступлении (о соучастии вообще и о подстрекательстве в частности). 1881. С. 42–51.
7. Фойницкий И.Я. Уголовно-правовая доктрина о соучастии // Юридический вестник. М., 1891. Т. VII. Кн. 1. С. 21.
8. Трайнин А.Н. Соучастие в преступлении. М., 1941. С. 172–173.
9. Курс советского уголовного права (Часть Общая), т. 1. Изд. Ленинградского университета, 1968. С. 589.
10. Арутюнов А.А. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М.: Статут, 2013. 408 с. // СПС Консультант Плюс (Консультант Комментарии законодательства).
11. Еще М.И. Ковалев предлагал рассматривать в качестве единого основания уголовной ответственности общий состав преступления. (См.: Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Свердловск, 1960.) Ряд авторов также рассматривали соучастие как сопричинение определенного преступного результата, который выступал как следствие взаимодействия соучастников. Таким образом, действия всех соучастников признавались общей причиной преступного результата. См. напр.: Курс советского уголовного права (Часть Общая), т. 1. Изд. Ленинградского университета, 1968. С. 591–594.
12. Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. Издание профессора Малинина, 2-е изд. СПб., 2011. С. 21–23.
13. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Свердловск, 1960. С. 98.